

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Стенограмма

БЕЗОПАСНОСТЬ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: РОЛЬ РОССИИ И ИНТЕРЕСЫ СОСЕДЕЙ

21 декабря 2015 | Москва

МОДЕРАТОР:

Александр Габуев, руководитель программы «Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе» Московского Центра Карнеги

СПИКЕРЫ:

Василий Кашин, старший научный сотрудник Центра анализа стратегий и технологий

Дмитрий Стрельцов, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО

[0:02:11] **Габуев.** Добрый вечер, меня зовут Александр Габуев, я руководитель Азиатской программы в Московском Центре Карнеги. Я очень рад тем, кто добрался до нас в этот хмурый московский день, потому что сегодня первое, но не последнее мероприятие из целой серии разговоров, которую мы запускаем в этом и продолжим в начале следующего года при поддержке Министерства иностранных дел Японии. Мы хотим поговорить о ситуации в Северо-Восточной Азии сразу в нескольких аспектах. Речь пойдет о безопасности, об экономике, об Арктике, а также о восприятии истории, в том числе истории Второй мировой войны. Это целая серия мероприятий, которая закончится в марте. В рамках этого проекта у нас будет несколько таких маленьких разговоров, один из которых состоится сегодня, и несколько довольно больших разговоров как здесь, так и в Токио.

Чтобы начать, сегодня хотелось собраться в узком, но очень квалифицированном кругу и поговорить о проблемах безопасности в Северо-Восточной Азии, потому что в последнее время в заголовках мировых СМИ и вообще в общественном сознании основных кризисов было два — Восточная Европа (события, связанные с Украиной) и, естественно, Ближний Восток, Сирия. Но хотя ситуация в Восточной Азии выглядит спокойной, предсказуемой, ничего драматического там на поверхности не происходит, тем не менее накал противоречий, как кажется многим в экспертной среде, является, пожалуй, самым взрывоопасным. И задача сегодняшнего семинара — поговорить о том, как можно избежать конфликтов и построить архитектуру, учитывающую всех игроков — и представленных, и не представленных в регионе.

У нас два прекрасных спикера, которые откроют разговор, но дискуссия будет совершенно открытой, поэтому все потом смогут задать вопросы и высказать мнения, чтобы, возможно, прийти к каким-то выводам. Спикеры — Василий Кашин, один из ведущих китаистов, старший научный сотрудник Центра анализа стратегий и технологии, и Дмитрий Стрельцов, один из ведущих японоведов, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО. Мы дадим им слово и затем откроем сессию вопросов, ответов и реплик. Прошу присутствующих назваться, чтобы понять, кто до нас уже дошел.

Мужчина. Меня зовут <...>, я корреспондент японской газеты «Майнити».

Воронцов. Александр Воронцов, Институт востоковедения Российской академии наук и МГИМО.

Мужчина. <...>, Посольство Японии.

Есенина. <...> Есенина, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока, экономист.

Мужчина. Виктор <...>, Институт Дальнего Востока.

Мужчина. <...> японская газета <...> корреспондент.

Шепотова. Дарья Шепотова, помощник корреспондента японской газеты «Токио Синбун».

Харадо. Меня зовут Томо Харадо, я студент МГИМО и стажер в этом центре.

Добрынина. Наталья Добрынина, стажер Московского Центра Карнеги.

Фирсова. Наталья Фирсова, советник директора Московского Центра Карнеги.

Мужчина. Антон <...>, Институт стран Азии и Африки Московского университета.

Конаровский. Михаил Конаровский, Институт международных исследований МГИМО.

Габуев. Спасибо. Василий, начнем с вас. У вас примерно 15 минут.

[0:06:54] **Капин.** Я хотел бы остановиться на интересах основных участников всей этой ситуации, прежде всего в сфере безопасности, и на возможном развитии нынешней конфигурации, которая представляется очень неустойчивой. На состоянии безопасности в Северо-Восточной Азии растущее влияние оказывают события, происходящие за пределами региона — и в других частях Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), и в других частях земного шара. Она во все большей степени определяется изменениями в политике двух больших держав, постоянно присутствующих в регионе, — России и Китая, и эти изменения будут менять их линию поведения.

Что мы видим в последнее время? Китай уже совершает первые шаги по изменению конфигурации своего поведения. Постепенно растет уровень китайской вовлеченности в международную проблематику, появились первые признаки того, что Китай может на определенном этапе существенным образом вмешаться в сирийскую ситуацию, у него появилась первая постоянная зарубежная военно-морская база в Джибути, что уже подтверждено официально. Китай начинает создавать систему более разветвленных отношений в военной и политической сферах с государствами по всему миру, со странами Ближнего Востока, Восточной Европы, Латинской Америки, Африки, уже не ограничиваясь в той степени, как раньше, тематикой экономического сотрудничества.

Россия до самого недавнего времени была нейтральным фактором в региональных проблемах безопасности. Принцип российской политики состоял в том, что она постоянно повышала уровень политического (прежде всего) и военного взаимодействия с Китаем по глобальной повестке дня, но оставалась относительно удалена от Китая в вопросах региональной повестки дня. Она не участвовала в решении наиболее острых проблем региональной безопасности либо участвовала очень ограниченным образом.

Теперь при совершенно новом характере российско-китайского взаимодействия по мировой проблематике и тесного сближения России с Китаем в военной сфере возникает вопрос, насколько такое положение России будет устойчивым хотя бы в среднесрочной перспективе. Это тем более важно, если учитывать, что Россия постепенно, медленно, но обрывает системой довольно

тесных экономических связей с Китаем, которые создают асимметричную зависимость просто потому, что китайская экономика в несколько раз больше российской. Китай уже является для России крупнейшим экономическим партнером, если не рассматривать Евросоюз в качестве одной экономики, в то время как Россия для Китая не входит даже в первую десятку. Россия пытается сохранять конфигурацию, при которой ее действия в регионе не зависят от Китая, но сталкивается с трудностями в этом направлении, прежде всего в силу того, что политика США по изоляции России в Азиатско-Тихоокеанском регионе продолжает осуществляться в контексте глобальной политики США по изоляции России.

В дальнейшем скорее всего мы будем свидетелями каких-то событий в других частях мира, например на Ближнем Востоке, которые приведут к еще более тесному взаимодействию между Россией и Китаем. При всех многочисленных заявлениях российской и китайской сторон, что взаимодействие носит ограниченный характер, что не может быть и речи ни о каком союзе, всегда имеет смысл помнить, где мы находимся сейчас. Мы имеем более двух миллиардов долларов в год от торговли вооружениями (главным образом военными технологиями), проходят как минимум одни очень крупные сухопутные и одни крупные морские учения в год, идет теснейший обмен разведывательной информацией, теснейшее сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом, особенно в Центральной Азии. В последнее время как раз было важное развитие в этом направлении, заместитель директора ФСБ назначен руководителем новой усиленной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества.

В принципе достигнутый уровень уже является необычно высоким для двух крупных стран, что бы ни говорилось формально. Интересы Китая в регионе остаются неизменными по сравнению с предыдущим, скажем так, доукраинским периодом. Они представляют собой сочетание вовлечения в сотрудничество других стран региона, прежде всего Японии и Южной Кореи, и давления на них с целью ограничить усиление военных позиций США. Это сохранится, но кардинальным образом может измениться роль Китая в глобальной повестке дня, а также его роль в других частях Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего в Южно-Китайском море, что непосредственно отразится на отношениях Китая в первую очередь с Японией. Таким образом, общая тенденция является не самой благоприятной, хотя все игроки пытаются сдерживать движение к большей конфликтности, но оно может происходить по причинам, не относящимся непосредственно к Северо-Восточной Азии.

Более того, есть интересное развитие традиционной для региона северокорейской проблемы. За последние несколько лет произошли события, которые заставляют по-новому взглянуть на эту проблему. Начиная как минимум с 2012 года мы стали свидетелями очень серьезного военно-технического рывка, который произвела Северная Корея. Фактически было экспериментально доказано, что в военном отношении долговременная политика стратегического терпения, изоляции Северной Кореи оказалась не вполне удачной, не удалось остановить северокорейскую военную модернизацию, пресечь обновление основных фондов предприятий северокорейской оборонной промышленности, пресечь прогресс. Северная Корея по ключевым для нее направлениям военной технологии, которые

она определила вполне разумно (баллистические ракеты, крылатые ракеты, средства ПРО, легкое стрелковое оружие, малые подводные лодки), выходит примерно на уровень СССР 1970-х годов. Она доказала свою способность в партнерстве с такими традиционными своими клиентами в военно-технической сфере, как Иран и Пакистан, двигаться вперед.

Да, отставание может быть на сорок лет, но оно не позволяет соседям Северной Кореи по региону чувствовать себя в безопасности. Это было доказано как раз недавно — очень показателен, как ни парадоксально, продолжающийся вооруженный конфликт в Йемене. Что там произошло? Остатки йеменской армии, которые сражаются на стороне повстанцев-хуситов, применили против вооруженных сил Саудовской Аравии целый ряд систем ракетного оружия, в том числе северокорейских систем, таких как ракеты «Хвасон-6» (это северокорейский вариант знаменитых советских ракет «Scud»). В других случаях речь шла о советских ракетах «Точка» (они также производятся и в Северной Корее), и мы имели возможность наблюдать, что, хотя Саудовская Аравия имеет те же системы противоракетной обороны, которые, как считается, должны защитить Южную Корею и Японию, например РАС-3, ей не удалось обеспечить безопасность своих войск, т. е. была серия успешных ударов как по войскам саудовской коалиции на территории Йемена, так и вглубь Саудовской Аравии. Судя по всему, бо́льшая часть ракет не была перехвачена, по крайней мере мы точно знаем, что имели место довольно серьезные потери от этих ракет со стороны саудовской коалиции. Таким образом, мы имеем в этом регионе государство, которое доказало свою способность продолжать развитие наиболее опасных видов вооружений, которое обладает пакетом компетенций в сфере оружия массового уничтожения и средств его доставки, не связано никакими ограничениями и имеет довольно обширную историю экспорта технологий.

Известно, что поставки готовых северокорейских вооружений во многом были пресечены и пошли на спад в 1990-е годы, но экспорт технологий расцветал и продолжался. Это еще один фактор, который повлияет на поведение других игроков, потому что долго игнорировать его будет невозможно, он все больше заявляет о себе, в частности, в текущем конфликте на Ближнем Востоке. Это на данный момент, возможно, единственный фактор, который может непосредственно влиять на российскую ситуацию, российские интересы. Хотя роль России в его разрешении скорее всего будет ограниченной, его невозможно игнорировать. Если мы говорим о растущей вовлеченности России в китайскую политику, то это также видно на примере развития отношений с Северной Кореей. Попытка режима Ким Чен Ына использовать Россию в качестве своего рода противовеса Китаю, судя по всему, провалилась просто в силу китайского давления и вполне определенной китайской точки зрения. Китай нашел способ донести до нас мнение, что подобное развитие событий весьма нежелательно. Остается только следить, как в будущем эта растущая увязка с Китаем будет влиять на позицию России по отношению к другим странам Азиатско-Тихоокеанского региона.

Пока Россия позволяет себе действия, напрямую идущие вразрез с интересами безопасности КНР. Наиболее характерный пример — сотрудничество между Россией и Вьетнамом, например в военно-технической сфере, которое весьма

беспокоит китайскую сторону. Вопрос в том, насколько долго это будет продолжаться. Россия пытается оставаться пассивным игроком в вопросах безопасности в регионе, старается в качестве одного из приоритетов своей политики диверсифицировать внешние экономические связи. Ей это плохо удастся из-за целого комплекса объективных и субъективных причин начиная с неблагоприятного инвестиционного климата в самой России и кончая действиями Соединенных Штатов. Мы имеем ситуацию, когда, несмотря на заявления о том, что переориентация на Китай происходит очень медленно, она все же идет. При спаде российской внешней торговли торговля с Китаем тоже падает, но падает медленнее, чем с остальными крупными игроками в мировой экономике, например с Евросоюзом. Доля Китая в нашей торговле постепенно растет, и это будет сказываться в долгосрочной перспективе, особенно после создания новых крупных и дорогостоящих объектов инфраструктуры (газопроводов, железных дорог, терминалов и т. д.), которые теснее привяжут нас к Китаю.

Таким образом, с одной стороны, мы имеем комплекс не самых позитивных долгосрочных тенденций, которые будут влиять на положение России в расстановке сил в регионе и на позицию Китая, с другой стороны, вероятность уже в среднесрочной перспективе активизации северокорейской проблемы, которая снова может заиграть новыми гранями. Имеет смысл помнить, что Северная Корея была в определенный период одним из главных игроков мирового рынка оперативно-тактических ракет в 1980-х и первой половине 1990-х годов, на нее приходилось 40% всех поставок. Потом это пошло на спад вследствие физической блокады поставок и устаревания северокорейских компетенций, но вот с компетенциями, видимо, они добились некоего существенного прогресса, причем имеет место поток технологий в две стороны: из Северной Кореи к странам-реципиентам, но и такие страны, как Иран (и это сейчас доказано) передают Северной Корее военные технологии западного происхождения, которые успешно интегрируются. Если говорить даже о такой новой системе, как северокорейская ракета морского базирования, то с высокой вероятностью она делается просто на продажу, потому что не имеет какого-то очевидного военного смысла для самой Северной Кореи, но можно легко назвать пару стран, для которых она может иметь прямой смысл, например Иран и Пакистан. И если через сколько-то лет это будет доведено до логического завершения и реализовано, то будет иметь интересные последствия, намного выходящие за рамки этого региона. По мере того как нарастает конфликтность международных отношений, растет значение военных факторов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, эти более узкие отношения между расположенными в Северо-Восточной Азии странами будут испытывать соответствующее влияние.

Габуев. Большое спасибо. У меня сразу возникла масса вопросов, но оставлю их на вторую часть. Дмитрий, ваши 15 минут.

[0:24:48] **Стрельцов.** Я в основном коснусь японского угла проблем безопасности. Должен сказать, что Япония сейчас переживает мучительный период отказа от наследия военного времени, подведения окончательных итогов Второй мировой войны и даже в какой-то степени некой ломки, связанной с тем, что Япония отказывается от привычных вещей — от односторонней зависимости от

Соединенных Штатов и ориентации только на США в сфере безопасности, от пацифистских ограничений. В целом как раз в минувшем году произошел качественный скачок в политике Японии в области безопасности, выразилось это, во-первых, в том, что было принято пакетное законодательство о коллективной самообороне, позволившее впервые за всю послевоенную историю Силам самообороны Японии участвовать в боевых действиях за пределами страны, правда, с массой оговорок, касающихся угроз непосредственно Японии, ее национальным интересам, безопасности граждан и т.д. Тем не менее уже пройден психологический барьер, связанный с идеей, что Япония может отсидеться под ядерным зонтиком и стать такой милой изолированной страной. Важно также, что у правительства теперь развязаны руки при принятии решений об участии армии в миротворческих операциях, причем необязательно под эгидой ООН, а в том числе и в союзнических миссиях. Например, относительно того, что происходило в Ираке, Афганистане, всякий раз нужно было принимать специальный закон, что выливалось в парламентские баталии и стоило жизни нескольким кабинетам. Сейчас такие баталии уже не нужны, есть постоянно действующий закон, и правительство может в принципе относительно свободно принимать решения на этот счет.

Что еще важного произошло? Это качественные изменения в японо-американском сотрудничестве в области обороны и безопасности: в апреле 2015 г. года была одобрена, а в сентябре принята парламентом новая редакция основных направлений сотрудничества в области обороны. Это базовый основополагающий документ. Впервые был создан, обращаю ваше внимание, постоянно действующий координационный орган в области оперативного взаимодействия. Раньше были только временные рабочие органы, и некоторые утверждают, что это приближает японо-американский союз к полноценному военному блоку, подобному тому, что существует в НАТО. Второй важный момент — устранены географические рамки действия союза, т.е. если раньше все было привязано к Японии, то сейчас это уже полностью глобальный подход, распространяющийся на различные ситуации, которые теоретически могут возникнуть не только в контексте Японии, ее границ и суверенитета. Это то, что называют серыми зонами, и об этом можно много говорить. В любом случае устранена некая двусмысленность в предыдущих редакциях этого документа. Третий момент связан с конкретными областями сотрудничества: для Соединенных Штатов очень важно заручиться поддержкой Японии в двух областях: кибербезопасности, где Япония имеет уникальные технологии, и сотрудничества в области космоса — это военные спутники, системы слежения, где у японцев есть хорошие технологии, в том числе оптические, и пр. Наконец, в этом документе идет речь о налаживании сотрудничества в области разработки новой военной техники, это специально оговаривалось, и момент военно-технического сотрудничества, конечно, сейчас выходит на первый план. Япония даже в апреле 2015 г. впервые ослабила существовавшие с конца 1960-х годов ограничения на экспорт вооружений, приняла специальное законодательство. Это важно, потому что в контексте угроз, которые Япония сейчас испытывает, прежде всего на юго-западном направлении, очень важны конкретные разработки, прежде всего ракетной техники: противокорабельных ракет, противовоздушных ракет наземного базирования, где японские компании (прежде всего концерны «Mitsubishi Heavy Industries» и «Kawasaki Heavy Industries») имеют

уникальный опыт и ноу-хау. В частности, есть ракета XASM-3, которая должна будет сменить имеющиеся ракеты морского базирования Седьмого флота ВМС США. Это оружие ближнего действия, у японцев есть стелс-технологии, делающие ракету невидимой, и, самое главное, — она гораздо более скоростная, чем имеющиеся сейчас «томагавки» и «гарпуны». Как раз это направлено на отражение конкретных угроз, в частности, связанных со стратегией Китая, т. е. anti-access/anti-denial, преграждение доступа и блокирование заходов иностранных судов. Есть еще элемент совместной разработки ракеты PAC-3 (это уже старая разработка) в рамках системы противоракетной обороны театра военных действий, там японский вклад также очень заметен. Это ракета «Patriot» наземного базирования. В новых американских истребителях F2 и F15j японские наработки тоже очень заметны (фюзеляжи и т. д.).

Что еще сделано в японо-американских отношениях? Достигнут наконец прогресс в решении старой проблемы передислокации базы на Окинаве. Эта была очень болезненная точка, отравлявшая климат в области оборонных связей двух стран. Но правительство уже пошло, насколько я понимаю, наперекор общественному мнению и приступило в 2015 г. (в октябре было сообщение) к строительству новой базы на севере Окинавы. Несмотря на негативное отношение общественного мнения и местных органов власти правительство будет продавливать это решение, что тоже говорит о многом, потому что это очень болезненный внутривластный вопрос. Можно также отметить в оборонной политике Японии многосторонние аспекты, не только связанные с японо-американскими отношениями. Япония сейчас в какой-то степени отходит от изоляционизма в области безопасности, и происходит качественный поворот в деле строительства многосторонних структур безопасности со странами, которые Япония считает союзниками или во всяком случае дружественными государствами. Это страны, которые в наибольшей степени озабочены вызовами со стороны Китая: прежде всего Австралия, Филиппины, Индия и даже Вьетнам, который не является союзником и дружественной страной. Например, для Австралии Япония выступила фактически впервые поставщиком крупных военных технологий, и сейчас уже есть договоренности о предоставлении Канберре патента на производство дизель-электрических подводных лодок класса «Сорю» с уникальными технологиями сварки, стелс-технологиями, технологиями литий-ионных аккумуляторов и т. д.

Должен сказать, что и с Индией есть скачок в политической сфере. Совсем недавно в Дели приезжал премьер-министр Японии. Была достигнута договоренность о строительстве там скоростной железной дороги и о ряде других проектов. Ядерная сделка впервые заключена, это тоже заслуживает внимания. Сотрудничество в области энергетики о многом говорит, потому что Япония к этому вопросу относится очень осторожно с учетом проблем, связанных с распространением ядерного оружия в Индии и т. д. Тем не менее, если брать чисто военную сферу, то здесь в общем есть некий качественный скачок. Например, впервые были проведены трехсторонние встречи министров иностранных дел Японии, Соединенных Штатов и Индии — значит, есть некий треугольник. Там обсуждалась как раз возможность помощи дружественным странам Юго-Восточной Азии, т. е. как раз в контексте сдерживания Китая. Там обсуждались конкретные вопросы, связанные с помощью этим странам, поставками японской техники

Индии, например самолетов-амфибий (есть договоренность о поставках 12 таких самолетов). Можно ожидать, что Япония присоединится к американо-индийскому оборонному сотрудничеству, в частности, в Южно-Китайском море уже были прецеденты, здесь тоже можно наметить некую перспективу.

В отношениях Японии с Филиппинами совсем недавно произошел качественный скачок. Есть старые договоренности 2013 г. о поставках патрульных кораблей для береговой охраны Филиппин — опять-таки в контексте территориальных проблем с Китаем, с активизацией Китая. Но сейчас мне кажется заслуживающим внимания визит летом 2015 г. президента Филиппин в Токио, там обсуждался новый договор, который впервые предоставит Японии возможность использовать военные базы Филиппин: Силы самообороны смогут заходить в филиппинские порты для дозаправки, пока не на постоянной основе, т. е. не для дислокации, но имея статус *guest forces*, гостевых сил, что тоже говорит о многом. Я бы сказал, это некий новый качественный поворот.

Отношения с Вьетнамом развиваются больше в политической сфере, тем не менее помимо инфраструктурного строительства Япония в 2015 г. подарила Вьетнаму патрульный катер, это был демонстративный жест в отношении проблем, которые Вьетнам сейчас испытывает с Китаем, прежде всего в области безопасности.

У меня, к сожалению, уже нет времени, можно еще сказать о проблемах с Южной Кореей и с Китаем, это отдельно может будет затронуть, отвечая на вопросы, но вот с Южной Кореей, несмотря на очень сложные политические отношения, прогресс все-таки в конце 2015 г. наблюдается, прежде всего в политической области, потому что политика все-таки идет впереди оборонного сотрудничества. Прошел трехсторонний саммит в начале декабря в Сеуле, была двусторонняя встреча Синдзо Абэ и Пак Кын Хе, где в основном обсуждались экономические вопросы и в какой-то степени были оговорены перспективы дальнейшего развития отношений. И что самое важное, об этом как раз Василий говорил, — по проблемам Северной Кореи на этом саммите наконец нашли компромисс, потому что раньше Япония и Соединенные Штаты, с одной стороны, и Китай и Южная Корея — с другой находились по разные стороны баррикад по проблеме КНДР. В итоговой декларации специально оговорена заинтересованность в продвижении этих переговоров, но по настоянию Японии туда была включена формулировка о том, что должны быть «значимые» переговоры, т. е. не просто переговоры ради переговоров, а такие, которые дадут какой-то реальный результат. Но пока в сфере оборонного сотрудничества Японии и Южной Кореи еще не видно каких-то результатов, потому что оно было заморожено, однако можно ожидать, что старые договоренности (прежде всего контакты двух министров, обмен разведывательной информацией и оперативное взаимодействие), наверное, все-таки будут продолжены. И Соединенные Штаты крайне в этом заинтересованы, они будут это продвигать, пользуясь нормализацией политического диалога. Я на этом закончу, время истекло. Может быть, позже смогу ответить на какие-то вопросы.

[0:41:18] **Габуев.** Я думаю, что были представлены точки зрения и анализ угроз в регионе с точки зрения Японии, России, Китая и КНДР в презентации

Василия Кашина, и за рамками разговора остался такой крупный «зверь» в сфере безопасности на северо-востоке АТР, как США, хотя о нем периодически упоминали. Когда говорят о безопасности на северо-востоке АТР, почему-то часто, по крайней мере, в России, США воспринимаются как внерегиональный элемент, хотя это часть региона как военный союзник Японии и Южной Кореи. В Фонде Карнеги, мне кажется, представлены все три точки зрения, которые сейчас формируют в США контур дискуссии о безопасности в Азии. Это трое наших коллег в Вашингтоне, работающие в Азиатской программе. Главный стратегический вопрос для think tank'ов и для стратегического сообщества, не для политиков, которые занимаются в основном решением кризисов дня текущего (что-то случилось в Южно-Китайском море — надо срочно потушить этот пожар, что-то где-то еще случилось — надо тушить), а для людей, которые думают вдолгую, основной вызов — конечно же, Китай.

Итак, три точки зрения. Одна такая примирительная, это вот <panda ...> [0:42:51], те люди, которые говорят в духе Киссинджера: огромная страна, почти полтора миллиарда человек, вторая, а скоро первая экономика мира, и невозможно, чтобы такая страна смирилась с положением, когда всю ситуацию в Азии определяют американские военные альянсы, этого никогда не будет, поэтому должен быть баланс сил. Давайте попробуем максимально решить все региональные конфликты, чтобы страны Азии сами поняли, что если Китай будет играть бо́льшую роль в сфере безопасности, будет гарантировать безопасность каких-то стран Юго-Восточной Азии и т. д., это не так плохо, и у США будет с ними такой же паритет, какой был в Европе с Советским Союзом, только без атмосферы холодной войны. Паритет — это нормально, никакого военного доминирования в западной части Тихого океана у США быть не должно, потому что это дорого, неэффективно и в конечном счете бессмысленно, только порождает подозрения. Это мой коллега Майкл Суэйн.

Есть, с другой стороны, точка зрения, что Китай — агрессивная, враждебная держава, которая нацелена на подрыв архитектуры безопасности сначала в Азии, а потом и во всем мире, она стремится подчинить себе малые державы, и самое разумное, что США могут сделать, — не идти на аналог Мюнхенского сговора, а быстро ограничить возможности Китая прямо сейчас и сделать это в максимально жестком варианте. Это мой коллега Эшли Дэвис, индус, бывший директор по Южной Азии.

И где-то посередине есть ряд коллег, которые говорят, что баланс будет неизбежно смещаться в пользу Китая, и его надо стараться сдерживать, взаимодействовать с ним защищать союзников, но лет через двадцать Китай сам по себе вытеснит США из западной части Азии, и это неизбежно. Но США должны предпочесть, чтобы их вытеснили, а не договариваться уже сейчас с Китаем об условиях сдачи.

Вот три основных направления, которые формируют понимание Соединенными Штатами того, как можно действовать дальше, хотя понятно, что политика США гораздо краткосрочнее по планированию. У меня два вопроса к каждому из выступивших. Василий, Китай по вашей презентации был таким

большим elephant in the room. А как, собственно, сам Китай, если исходить из вашего анализа, видит долгосрочные цели в региональной безопасности? Он стремится стать новыми США, гарантом военных союзов, он стремится обеспечить свою стратегическую безопасность и неуязвимость? Что для него будет критериями этой неуязвимости, в чем его среднесрочные и долгосрочные цели в горизонте двадцать-пятьдесят? А к вам, Дмитрий, вопрос: какие Япония видит три главные вызова региональной безопасности? Я понимаю, это всегда сложно ранжировать, в том числе по степени приоритетности.

[46:10] **Кашин.** На мой взгляд, для Китая стратегической целью является создание новой конфигурации международных отношений в регионе, в центре которой будет находиться Китай. Это своего рода возвращение в новом виде к той традиционной роли, которую Китай всегда и играл в регионе. Роли верховного арбитра, экономического центра, что уже становится очевидным, и главного политического центра во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе. Конечной задачей является исключение вероятности заключения региональными странами каких-либо союзов, не включающих Китай (тем более могущих быть направленными против него), и формулирование каких-то расплывчатых правил игры, которым страны региона будут следовать. Это не подразумевает, возможно, жесткого диктата или подчинения, но подразумевает определенный комплекс условий, которые будут обязательны для любого, кто захочет развивать с Китаем экономические и политические отношения в нормальном формате. Без этого нормально развиваться в регионе будет невозможно. И контуры этого видны, в общем, в тех же глобальных инициативах «одного пояса и одного пути», которые не являются сугубо экономическими и подразумевают на более продвинутых этапах элементы политического согласования, как говорят сами китайцы. Это видно в политике Китая в тех странах (например АСЕАН), где им удастся добиться максимального успеха, — в малых странах, которые уже находятся под очень сильным китайским влиянием, таких как Лаос и Камбоджа, Таиланд. Там Китай наращивает влияние с довольно большим успехом.

Можно отметить интересную политику Китая в Мьянме, которая, казалось, уже в свое время была почти в китайской сфере влияния, а потом начала из нее выходить. Мы видим, насколько Китай вовлечен там во все внутренние процессы и конфликты. Это очень медленный процесс, он будет нарастать, подкрепляться и ростом военной мощи Китая, хотя его целью является достижение поставленных задач без прямого использования силы. Этот процесс будет идти одновременно с повышением роли Китая в глобальной повестке дня, потому что такие задачи совершенно очевидно ставятся, и это видно как по изменениям в дипломатии Китая, так и по переменам в его военном строительстве, некоторые аспекты которого просто не имеют никакого отношения к Азиатско-Тихоокеанскому региону. Но мы сейчас находимся на ранней стадии этого процесса. Когда Китай придет к желаемому результату, это естественным путем приведет к вытеснению Соединенных Штатов из региона в военном и политическом отношении, разумеется, при сохранении экономического сотрудничества, и к выстраиванию стран региона в своеобразную иерархию, в центре которой будет находиться Китай.

[0:50:14] **Габуев.** Спасибо, Дмитрий.

Стрельцов. Я, наверное, не буду региональным. Безусловно, если брать угрозы в узком смысле, они все обозначены в «Белой книге по национальной обороне», и в дискурсе безусловно лидирует Китай как угроза безопасности Японии, напрямую как потенциальный военный противник. Официальная военная доктрина сейчас переориентирована приблизительно с 2010 г. на юго-западное направление, и программа перевооружения, военное строительство — всё ориентировано на китайскую угрозу. В Китае видят не только источник угрозы, но и некий шанс для развития национальной экономики, важного партнера и некоего ответственного акционера.

Тем не менее главное противоречие с Китаем заключается в том, что Япония исторически является торговой державой, процветание которой зависит от свободы мореплавания. Китай пытается создать некий ограниченный, закрытый, изоляционистский режим, за счет военного строительства диктовать условия именно в отношении свободы мореплавания. Это принципиальный вызов базовым ценностям, которые исповедует Япония, в этом коренное противоречие. Плюс к тому — психологический аспект, когда японцы поняли, что Китай не остановится в случае чего перед каким-то вооруженным конфликтом, перед использованием военной силы, приблизительно с 2010 г., когда произошли известные инциденты, связанные с тараном японского патрульного катера, и Китай навел боевой радар на японский военный корабль. Именно в этом был психологический шок, обычно наводится радар наблюдения. Но когда наводится боевой радар — это одна секунда до нажатия кнопки, и тут уже все может начаться. Как раз японцы пошли на то, чтобы раскрыть технологию, касающуюся обнаружения такого радара, потому что его использование абсолютно неочевидно. То, что именно боевой радар был наведен, потребовало раскрытия неких секретов. Я думаю, что это было сделано с прицелом на общественное мнение Японии, был такой холодной душ. Если Китай воспринимали раньше немножко покровительственно и в какой-то степени не чувствуя угрозы, то сейчас произошел психологический поворот.

На втором месте традиционно, уже много лет, Северная Корея, но это некая страшилка, и я думаю, что в политическом истеблишменте Японии никто всерьез не считает, что Северная Корея начнет ядерную войну, за исключением ситуаций, когда она будет доведена до крайности. В общем, доводить ее до крайности не стоит, а на самоубийство она пойти не сможет, т. е. это некая, повторяю, страшилка, которую, может быть, не то что бояться не стоит, но никакого нового понимания угроз она не дает уже на протяжении многих лет. Северокорейский фактор проявляется в том, что сейчас Япония пытается все-таки наладить минимальный диалог с Пхеньяном, несмотря на отсутствие официальных отношений. Несколько лет на рабочем уровне идут дипломатические контакты, и проблему похищенных Япония постепенно продавливает, несмотря ни на что, вот уже на протяжении более десяти лет. То, что КНДР сейчас пытается расширить свободу маневра за счет контактов с Японией и Россией, Япония использует, но, безусловно, проблема угрозы со стороны ядерной программы КНДР существует, и не случайно в доктрине военной безопасности отдельным пунктом обозначено право Японии наносить удар по вражеским военным базам за пределами страны. Это эвфемизм, который касается Северной Кореи, т. е. Япония в военной доктрине оговорила себе право в случае чего нанести превентивный удар по КНДР.

На третьем месте, я думаю, в Японии стоит, может быть, не угроза, но некий вызов со стороны России. Это активно обсуждается в средствах массовой информации, прежде всего в связи с программой военного строительства, наращиванием военного присутствия России на Южных Курилах, которое сейчас активно осуществляется. Это, конечно, очень болезненный для Японии вопрос, он активно поднимается, и часть военного истеблишмента воспринимает Россию как угрозу, тем более что живо поколение, помнящее времена, когда со стороны СССР была угроза. Это впиталась в кровь японцев, это поколение в большей степени воспринимает Россию как угрозу, как вызов в контексте военного сотрудничества с Китаем. Российско-китайское сотрудничество для Японии, конечно, большой кошмар. К информации о каких-то контактах в технологической сфере, совместных маневрах и т. д. Япония относится болезненно, и не только в вопросах безопасности, но и по прочим аспектам. Например, Япония очень ревниво относилась к тому, что по Северному морскому пути первым пошел китайский ледокол, а не японский. Как раз именно российское направление больше воспринимается в контексте китайского фактора.

[0:57:20] **Габуев.** Спасибо. Коллеги, у нас есть чуть меньше часа, я предлагаю задавать вопросы и выступать с репликами, потому что в принципе рамки у нас примерно заданы.

Вопрос. По поводу лидерства Китая. Я экономист и хотела бы спросить Василия Кашина, как он видит не только политическое, но и экономическое лидерство на фоне создания Транстихоокеанского партнерства (ТТП), в котором Китай не участвует, хотя его туда и приглашают, но на американских условиях. Все-таки США задают в мире новые правила торговли, выгодные им и направленные на развитие их экономики в первую очередь.

Кашин. Несомненно, создание Транстихоокеанского партнерства было крупным успехом американской экономической дипломатии, но это долгосрочный проект, который будет иметь неочевидный макроэкономический эффект. Есть много споров о масштабах этого влияния, и далеко не факт, что оно существенно изменит нынешнюю систему отношений между Китаем и другими экономиками региона. Сейчас мы имеем ситуацию, при которой Китай уже является крупнейшим торговым партнером для многих стран Азиатско-Тихоокеанского региона и ключевым элементом в треугольной торговле, когда в Китае осуществляются сборка и конечное производство продукции из высокотехнологичных компонентов, выпускаемых в Японии, на Тайване и в Южной Корее, и дальше она поступает на мировой рынок. Это ключевой рынок для стран региона. Статистика на данный момент говорит сама за себя, и как раз мы видим нарастание разрыва между политикой и экономикой. Например, в случае Тайваня, когда в обществе постепенно зреет преобладающая точка зрения о нежелательности дальнейшего сближения с Китаем. В социальной и экономической сфере сделать что-либо не получается, поскольку без этого сближения, оставаясь позади других экономик региона, невозможно обеспечить конкурентоспособность и поддержать темпы роста. Та же дилемма стоит и перед Японией, и перед Южной Кореей, для которой Китай — партнер номер один. Да, большой успех с Транстихоокеанским партнерством даст Соединенным Штатам существенные преимущества, но сегодня

нет оснований считать, что они будут решающими и перевесят те естественные преимущества, которые у Китая есть в регионе (и не только в этом регионе): его роль крупнейшего рынка, важного источника инвестиций, важного элемента технологических цепочек и т. д. Китай опирался на это в своей политике в регионе на протяжении большей части своей истории.

[1:01:02] **Вопрос.** Тезис относительно технологических цепочек у меня вызывает большие подозрения, потому что если брать японскую политику переноса производства, которая называется «кудоку», то тренд состоит в переносе производства уже не в Китай, а даже в заборе производства из Китая в страны, где издержки на рабочую силу значительно ниже, чем в Китае. В Китае уже появился средний класс, который не работает за похлебку и мизерную заработную плату, там появились социальные гарантии, а это большие расходы. И японское производство переходит уже не туда, а идет во Вьетнам или даже в Индию, где затраты на труд ниже. И второй аспект: в Японии происходят сдвиги в развитии дифференцированных трендов, и некоторые крупные корпорации начинают возвращать производство в Японию.

Кашин. Да, разумеется, из Китая уходит целый ряд низкотехнологичных производств, Китай меняет свое положение в мировом разделении труда. До сих пор не до конца ясно, насколько ему удастся осуществить этот переход и реализовать свои намерения. То есть целью является пойти по пути Южной Кореи и перестать конкурировать на мировом рынке за счет дешевой рабочей силы, она теперь не является такой уж дешевой, тем не менее просто статистически в силу размеров и масштабов своего рынка Китай является страной, без сотрудничества с которой, без очень больших успехов в развитии связей с которой вы не можете обеспечить себе конкурентоспособность в мировой экономике, т. е. вы не можете не проиграть конкурентам, если проигрываете им в возможности попасть на китайский рынок и работать в Китае. А какой у вас будет доступ на китайский рынок, во многом зависит от отношений с китайским государством. Это важное преимущество, которым китайское государство всегда пользовалось. По паритету покупательной способности Китай на данный момент уже крупнейшая экономика мира, рано или поздно она станет таковой и по номинальным показателям, это один из ключевых рынков, которые вообще существуют, особенно если вы находитесь в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и если вы даже просто на какие-то проценты проигрываете в возможностях работы на этом рынке конкурентам, стране, которая находится по соседству с вами, вы несете колоссальные потери. И это фактор, который будет давить на всех и каждого. Китайцы прекрасно это осознают. То есть какие-то передвижения конкретных производств, их уход в страны вроде Вьетнама и Индонезии не меняют общей картины. Далеко не все можно туда перенести, далеко не все можно вернуть к себе назад из Китая. Да, они сталкиваются со сложностями, переконфигурируются. Но просто их размер таков, что ничего с этим сделать нельзя.

Коростиков. Михаил Коростиков, газета «Коммерсантъ». Собственно, я не придумал, кому адресовать вопрос, поэтому хотел бы, чтобы все три участника высказали свое мнение. В последние три года в основных трех странах Восточной Азии — в Южной Корее, Китае и Японии — намечается некий поворот к

национализму, традиционализму, который везде выражается по-разному. В Китае стали больше уделять внимание культу Победы — 2 сентября (3 сентября был проведен первый парад). О Японии Дмитрий Викторович уже всё сказал на эту тему. В Южной Корее, хотя они последними в это включились, тоже проблемы с учебниками истории. Возникает вопрос: если все три страны фактически сейчас находятся в поисках некой новой модели роста, потому что рост затормозился в Китае, в Южной Корее, а в Японии ситуация в последние двадцать лет не очень, и вместо того, чтобы искать какого-то сближения с ближайшими партнерами, чтобы вместе наращивать экономический потенциал, искусственно раздуваются какие-то проблемы семидесяти-, а то и столетней давности (корейцы в разговорах все время поминают, что японцы их королеву убили), т. е. почему это происходит? У меня есть свой ответ на этот вопрос, но очень хотелось бы услышать вашу точку зрения.

[1:06:28] **Габуев.** Я выступлю на правах модератора, поскольку от меня не требуется субстантивного ответа. Приведу простой пример. В 2013 г. премьер одной крупной страны потребовал на крупном экономическом форуме, чтобы рост ВВП был 5%, иначе невозможно решить многие задачи. К концу года рост ВВП в этой стране составил 1,3%, и она вступила в боевые действия с крупной братской страной, оттяпав у нее кусок территории, после этого она попала под санкции. Никакой экономической логики в этом не было. Население Российской Федерации вроде бы как тоже много печется о холодильнике, и развитие экономики, долгосрочной конкурентоспособности и прочее ставятся во главу угла всяких разных программ. Если послушать послание президента, это всегда было нашей задачей. Тем не менее когда экономика вступает в клинч с видением элиты, замешанным на геополитике, и очень сильными эмоциями, выбор часто делается не в пользу холодильника, а в пользу геополитики.

Мне кажется, во всех трех странах причины националистического поворота немного разные. У китайцев это часть и следствие бурного экономического роста, того, как режим во главе с компартией конструирует национальную идентичность и как он обосновывает свое нахождение у власти, включая всю конструкцию с мифом о роли компартии в великой победе, с мифом о японской войне и т. д., где есть значительная часть исторических фактов и значительная часть мифологии. Для Си Цзиньпина это очень важный элемент его идеологии. Для Пак Кын Хе в принципе это способ сблизиться с Китаем и напомнить соотечественникам, что они не просто там что-то собирают, а являются великой нацией и еще им все кругом должны. У Японии это отчасти реакция на посттравматический синдром, потому что поколение, которое чувствовало себя виноватым за то, что происходило во время Второй мировой войны и которое потом старалось это забыть, ушло, сейчас подрастает новое поколение, которое себе этот вопрос заново задает, и поскольку не было такого четкого ответа, как, допустим, у немцев (где все было рационализировано, проговорено много раз и достигнут некий общенациональный консенсус по поводу своей истории), такого вербализованного консенсуса не было. И это во многом реакция на рост Китая, безусловно. Дмитрию виднее.

[1:09:29] **Стрельцов.** Тут есть две стороны. Первая — внутриполитическая причина, связанная с ростом значения популизма в политике и со сменой элит, политического руководства, сменой власти и в Китае, и в Южной Корее, и в Японии.

Процесс смены элит требует некой идеологической основы, и как раз национализм оказывается самым беспроблемным вариантом. Это, конечно, актуально не только для данного региона, но для него особенно важно, тем более что там переживается экономический ренессанс, духоподъемность, связанная с тем, что он постепенно переходит в центр мировой экономики и т. д. Экономический национализм играет на руку политическому руководству.

Второй момент касается конкретно этого региона. Дальний Восток очень чувствителен к проблемам потери лица, национальной гордости, национального достоинства. Не случайно здесь творится такая вакханалия по поводу вопросов истории, посещения храма, женщины-комфорты и т. д. Я думаю, что эти проблемы могли возникнуть только в этом регионе, потому что даже невозможно представить, чтобы в Европе обсуждали, что лидер пошел в какой-то храм или в костел, и может быть, это не очень политкорректно. Ну, пошел и пошел, может, его где-то покритикуют, но это не станет проблемой межгосударственных отношений. А для Дальнего Востока это важнейшая проблема, проблема извинений, сколько уже было копий по этому поводу сломано: извинялись, извинялись, извинялись, но всё не так, не таким способом, не теми словами...

[1:11:48] **Коростиков.** Как еще обычно говорят, «неискренне».

Габуев. Слово важно.

Стрельцов. Не слишком... Да, вот Абэ сейчас выступил на 70-летию, он сказал: я подтверждаю то, что говорили мои предшественники, Мураяма и так далее. Он присоединился к тем словам, что были уже сказаны. Но это сразу вызвало критику: нельзя только присоединиться, надо еще со своей стороны что-то сказать — это неискренне, этого недостаточно. По этому поводу идет полемика на самом высшем уровне, отношения замораживаются. Я должен сказать, что здесь ничего изменить нельзя, потому что это многовековые традиции, за которыми стоит многовековое историческое прошлое, связанное с вассально-даннической системой. Вообще система международных отношений на Дальнем Востоке основана на совершенно других принципах. Это синоцентричный мир, это данничество, где не важны проблемы, так сказать, территорий, территориальной целостности, а важно внешнее проявление покорности, внешнее проявление личного пиетета и т. д. Крайне важен сам церемониал. Так что здесь, я думаю, ничего меняться и не будет.

Кашин. Ну, для Китая национализм, в частности канализация националистических чувств на Японию — это очень удобный, удачный и прекрасно работающий способ решения большого комплекса внутренних, а также ряда внешнеполитических проблем. Китайский национализм прошел очень сложную эволюцию еще с начала периода реформ. Он был связан с модернизационным порывом и даже, как это ни парадоксально, носил прозападный характер, затем наступил защитный период, а потом период осознания своей силы. Тем не менее на протяжении всего времени реформ в Китае роль национализма неуклонно росла, это естественно в условиях постепенного кризиса старой марксистской идеологии. И китайское руководство во все большей степени должно учитывать его, опираться на него. Кроме того, в обосновании легитимности существующей китайской

политической системы, легитимности власти Коммунистической партии Китая центральную роль играет представление о столетии позора, в течение которого страну все обижали, унижали, доминировали над ней. Там большой список виновных в этом, но не всегда целесообразно в равной степени вспоминать всех из него.

Япония-то как раз довольно успешный объект для зримого воплощения всех этих представлений об унижении Китая и позоре, тем более что китайское недовольство японской внешней политикой усиливается и в силу укрепляющегося японо-американского взаимодействия, и в силу определенных националистических процессов в самой Японии, и в силу того, что Япония пытается играть все более активную роль в региональных вопросах. Китай не особо чувствует, что-то теряет, т. е. решается очень большой комплекс внутренних и внешних проблем, при этом в отношении Японии китайцы просто считают необходимым поддерживать определенный уровень давления и чередовать циклы эскалации и деэскалации. В Китае есть известный националистический комментатор, такой голос Главного политического управления Народно-освободительной армии Китая генерал Ло Юань. Фигура одиозная, но он выразил эту мысль в очень ясной форме, сказав еще несколько лет назад, что Японию следует уважать тактически, но презирать стратегически, т. е. у нее есть потенциал в тех или иных сферах, но она политически слаба, ею управляют слабые правительства, которые недолго держатся у власти, они медленно реагируют на все, мы имеем возможность выбирать момент, когда начать эскалацию, и выбирать момент для деэскалации, политическая инициатива на нашей стороне, мы можем действовать так, как считаем нужным. Собственно, это честное объяснение того, что происходит, а почему бы, собственно, и нет, если есть Япония, проводящая политику, которая не устраивает Китай и к которой есть исторические претензии. Может быть, претензии не вполне удобно высказывать в отношении всех других стран, которые обижали Китай, это просто решает все вопросы по большому счету, и мы видим, что Япония вынуждена все равно на определенных витках этой борьбы идти на компромисс в той или иной точке, делать шаг назад, чтобы добиться деэскалации отношений с Китаем, чтобы нормализовать отношения. Все прекрасно работает.

[1:18:13] **Вопрос.** Во-первых, большое спасибо всем выступающим, очень интересно. Вопрос к Александру Габуеву. Вы обрисовали три точки зрения, существующие в США в отношении современного Китая, а какая из них вам кажется преобладающей? И второй вопрос. Радикальная точка зрения — что Китай агрессивный, не остановится, что его надо в зародыше останавливать радикально. Что под этим подразумевается, как останавливать радикально, что это значит?

Габуев. К сожалению, нельзя сказать, что есть какая-то преобладающая точка зрения, это первое. И даже если есть арифметическое большинство людей, которые поддерживают определенную точку зрения, то она скорее всего срединная: что мы должны делать то, что делаем, и будь что будет, такая фаталистическая: ну, вытеснят через двадцать лет, ничего страшного, мы сформируем правила торговли в ТТП и все равно будем серьезным игроком в сфере безопасности, потому что некоторые страны просто не захотят быть частью той китаеццентричной модели, о которой говорит Василий. Я только вчера прилетел из Японии и чаще всего слышал

в разговоре с японскими коллегами, чиновниками и экспертами фразу: «Япония никогда не будет частью китаеццентричной системы безопасности в Азии. В альянсе или без альянса с США мы найдем способ, как быть вне этой системы, мы не будем бросать ей вызов, но входить в нее ни в коем случае не собираемся». И это воспринимается как основной вызов национальной стратегии.

Мне кажется, что здесь как раз было бы интересно поговорить в будущем о том, возможна ли стратегия, для России же тоже теперь стоит вопрос: в Северо-Восточной Азии формируется история, где ты сначала должен сделать коутоу, признать то, другое, пятое, десятое, и потом тебе разрешают продавать зерно в Китай в мешках или не в мешках, а зерновоз построить, или какое-то совместное предприятие образовать с возможностью контроля или с 40% и т. д. Ничего себе, а завтра меняется император и меняются какие-то правила, снова надо делать коутоу. Есть ряд стран, явно на это готовых уже сейчас (типа Камбоджи и Таиланда), они счастливы, для них самое главное, чтобы их не ставили между молотом и наковальней, чтобы им уже сказали, кто главный, и они с ним будут работать, и Китай их полностью устраивает. Вот что делать таким странам, как Япония и Россия, и возможна ли вообще в этом плане стратегическая независимость? Можно ли нормально со всеми общаться, имея возможность полностью защищать свою территорию, предотвращать любые провокации и т. д. Россия, конечно, здесь находится в более выгодных условиях, потому что у нас и ядерные силы, и с Китаем все те же тривиальные проблемы решены. А возможна ли такая опция для Японии и возможна ли она вообще в регионе? Мы сейчас, может быть, поговорим об этом.

[1:21:36] Отвечая на вопрос, невозможно сказать, что даже если там просто арифметическое большинство сторонников такой точки зрения, она будет доминирующей, потому что в США активное меньшинство имеет возможность захватить политический дискурс и направлять политику. Политика в отношении России на протяжении последних двух-трех лет — характернейший пример, на мой взгляд. Президент максимально пророссийский из всех, какие могут быть, ему Россия не очень интересна, но он говорит: слушайте, ментальность холодной войны прошла, давайте с ними как-то по-другому, ну, это уже страна из позапрошлого века, кому нужны эти сферы влияния, что мы будем за них бодаться. Большинству администрации тоже Россия не очень интересна, есть средний сильно замотивированный уровень, который занимается Россией и у которого в отношении нее очень жесткие взгляды, и есть некое активное громкое крикливое меньшинство в Конгрессе и в СМИ. Они образуют такую мощную связку, что даже если абсолютное большинство говорит: то, что мы делаем, — наверное, не самые умные вещи, но все равно мы это делаем. Почему? Ну, потому, что выйдешь на публику, все остальные умные люди такие же спокойные по темпераменту, они же не будут копыя ломать, а эти вгрызаются в глотку, и с ними проще согласиться, чем бороться. Такова реальность вашингтонской политики.

Это может казаться очень иррациональной, идиотской системой, но насколько я пока понимаю Вашингтон, он работает примерно так, во многом потому, что они сидят неуязвимые на своем острове и у них в целом все неплохо, а это все происходит где-то далеко в виртуальном мире и интересуются этим 5—10 тыс. человек максимум. Это те, кто интересуется внешней политикой. Поэтому ястребов

нельзя сбрасывать со счетов, чаще всего это люди на среднем уровне военных, это не верхушка, верхушка довольно прагматичная и спокойно настроенная, они понимают, что рост угрозы Китая — это и рост бюджета, и считают, что Китаю не следует нарушать определенные правила, но по этим правилам надо договориться. Да, свобода мореходства... Китай реально бросает вызов свободе мореходства или он преследует какие-то территориальные интересы? Если он договорится по поводу принадлежности нескольких камней в Южно-Китайском море, этот вопрос можно будет как-то решить. Безопасность союзников можно ли обеспечить или важно, что там Китай будет какие-то вещи делать? Да неважно. Вот более или менее такой нормальный взвешенный подход. На среднем уровне есть очень сильные антикитайские настроения в правом крыле Республиканской партии (вся эта чайная публика) и на самом краю Демократической партии. И тут они едины, вот права человека, всё это активное меньшинство. И такая нарастающая китаефобия и страх перед Китаем в СМИ и в обществе, в верхушке. На этом фоне радикальные позиции, что Китай — это такой же вызов, как Германия в 1930-е годы, что это сейчас он тихий и мирный, а потом как начнет развиваться и пересматривать границы, запирает в углу соседей силой. Это довольно-таки сильные течения, и, с одной стороны, есть прагматизм, большой товарооборот, школа сдерживаний и противоречий, с другой — в какой то момент это может выскочить плюс то, что будет в Китае через десять-пятнадцать лет, не очень понятно, потому что очень много таких факторов турбулентности.

[1:25:39] **Вопрос.** «Надо пресекать жестко...». Что значит «жестко»?

Габуев. Жестко пресекать — это не давать строить искусственные острова. Они пытаются что-то насыпать — идут несколько эсминцев, проходят мимо, не дают делать земляные работы, постоянные облеты, постоянное прохождение военных кораблей, поставка оружия, наращивание контингентов на базах, развертывание новых систем, постоянные активные учения, выстраивание внутренних связей внутри союза, не спицы и ось через США, а Япония будет поставлять оружие Филиппинам... Двусторонние учения — отлично, как можно больше активности, и прямо не скрывать, что это направлено против Китая, потому что Китай плохо себя ведет. И единственный способ для него все это прекратить — тихо убраться на свой материк и даже не думать о том, чтобы иметь возможность контролировать ситуацию внутри первой и тем более второй цепи островов. Тихо там сидеть, не рыпаться и со всеми торговать. Это очень радикальный подход. Такие голоса тоже есть, и понятно, что там есть много людей, которых их этническая принадлежность, несмотря на американский паспорт, очень сильно мотивирует. Это, кстати, важная и интересная черта, потому что в Штатах меняется внешнеполитический истеблишмент, людей, которые были европейцами и которых всегда очень волновала Европа (таких, как Бжезинский, Киссинджер), все меньше. Сейчас очень много восходящих звезд латиноамериканцев, азиатов, и для них эти регионы важны. Там есть семейные истории и т. д. Как поменяется в этом плане американская внешняя политика через двадцать-тридцать лет, очень интересно.

Можно поставить общий вопрос: а что России делать в этой ситуации? Потому что получается, что мы живем в каком-то клубке ужасных противоречий. Если я правильно понял Василия, общая экономическая и внешнеполитическая ситуация

будет нас заставлять дрейфовать очень привилегированного положения в сторону этой новой системы даннических отношений, т. е. мы будем делать не пять коутоу, а один и переносить символическую беличью шкурку, это то, что нас неизбежно ждет при сохранении всех нынешних допущений. В чем наш национальный интерес?

[1:28:27] **Кашин.** Наш интерес, с моей точки зрения, в том, чтобы сохранять возможность поддержания самостоятельной и, в общем, пассивной роли в регионе, в том, чтобы постепенно сочетать совершенно неизбежный рост связей с Китаем (а он неизбежен просто в силу того, что мы — крупнейший экспортер сырья, а Китай — крупнейший потребитель сырья, и с этим ничего не сделаешь) и отношения с другими странами региона. Надо понимать, что у нас есть большой запас времени, поскольку все развивается постепенно, это процесс на десятилетия. Такой рост удельного веса Китая в нашей внешнеэкономических связях — на самом деле процесс, который идет непрерывно с конца 1990-х годов, и даже основные решения, которые положили начало этому процессу, были приняты еще во время второго срока Ельцина. Да, этот рост есть, примерно с 4% нашего внешнеторгового оборота до 12%. Мы говорим об очень долгосрочных тенденциях, чтобы Китай стал чем-то хотя бы отдаленно сравнимым с Европейским союзом, это, возможно, произойдет ближе к концу следующего десятилетия, когда будут заключены новые сделки, построены новые трубы и т. д. Нам важно не потерять время и добиться максимального прогресса, с одной стороны, в развитии отношений с другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона, с другой стороны, в попытках наладить диалог с США конкретно в этом регионе. Уже есть некие признаки того, что мы в состоянии с Соединенными Штатами сочетать неизбежные противоречия с локальным сотрудничеством, есть первые признаки, что мы сможем и в АТР как-то договориться. Лучше для всех было бы, чтобы Россия продолжала развивать более многовекторные отношения. Я думаю, это та возможность, которую мы должны стремиться использовать.

[1:31:09] **Стрельцов.** Прежде всего, я не совсем согласен, что процесс переформатирования экономических связей России будет таким уж постепенным. На самом деле происходят очень быстрые изменения в структуре мировой экономики и внешнеэкономических связей России в частности. Связано это, безусловно, с общей финансовой и энергетической ситуацией в мире, которая изменилась буквально на наших глазах за пять лет, причем довольно резко. И второе. Если брать китайский фактор, у нас, конечно, была определенная переоценка роли Китая как самостоятельного игрока в мировой экономике. Думаю, она уже изжита после того, как попытки взять на азиатских рынках финансовые средства после введения санкций провалились, и Китай показал заинтересованность в сохранении нынешней финансовой системы, от которой он очень сильно зависит. Попытки заигрывать с Китаем, получать от него какие-то особые преференции в обход действующей системы финансового менеджмента, также провалились. Поэтому я думаю, что выделять Китай и делать на него ставку, рассчитывая, что при этом будут какие-то особые правила игры, не следует — Китай очень прагматичная страна, зависящая от общеглобальных экономических факторов. А что касается дальнейшего развития ситуация, я думаю, что и России следует пытаться не класть все яйца в одну корзину, создать на азиатском направлении некую систему хеджирования рисков за счет привлечения на особых

условиях других игроков, прежде всего, конечно, Японии и Южной Кореи. Как это сделать — другой вопрос, может быть множество рецептов, оптимальный вариант еще не найден. Возможны какие-то специальные условия, связанные с доступом на российские энергетические рынки, инвестированием в России, система государственных гарантий, система государственной поддержки, какие-то специальные проекты, которые были бы заточены на альтернативных игроков. Политика односторонней ставки на Китай и зависимости от Китая губительна. Думаю, что в российском руководстве это уже понимают, но пока, мне кажется, оптимальный сценарий еще не выработан.

[1:34:40] **Конаровский.** Проблема в том, что пока Вашингтон сохраняет санкции, Япония не очень заинтересована, а даже если и заинтересована, то в стратегическом плане вряд ли будет готова к объятиям с нами. В меньшей мере это так или иначе Южная Корея. [1:35:06] <...> Поэтому мне кажется, что ситуация, к сожалению, геостратегически несколько сложнее для нас, потому что у нас по большому счету особых вариантов нахождения денег нет. Как выйти из этого положения? Решать вопрос с американцами? Они санкции не будут снимать до последнего вне зависимости от сил, их главная задача, чтобы по возможности нас «уречь», по сути хороший шанс сейчас у них есть, они, наверное, будут пытаться его максимально использовать. Значит, соответственно все потихонечку будут подыгрывать в той или иной степени этому варианту. И вот в этом плане что на Дальнем Востоке нам делать? Играть свою игру, а за счет чего? Что у нас там особенное есть, чтобы играть свою игру? У нас что, особые отношения с АСЕАН? Ну да, у нас будет двадцатилетие наших отношений в 2016 г., ну в Сочи встретимся и т. д., но по сути вопроса что делать? Они же всегда скажут, в любом случае: да, мы прекрасно делаем, что поддерживаем именно центральную роль АСЕАН вот в этой структуре стратегической безопасности АТР, это чудесно, это правильно, надо поддерживать именно в пику китайцам, ну и американцам в данном случае. Но насколько мы сможем ориентироваться на них как на определенный экономический противовес той удавке, в которой находится Россия. Я имею в виду вот в связи с дружбой с Китаем, с соответствующим заимствованием у него. Китайцы ведь благотворительностью, как тут уже говорили, никогда не занимаются. Думаю, <...> [1:37:30] у них найдется достаточно внутренних ресурсов, чтобы на нас цыкнуть. Вот это меня немножко волнует. Насколько глубоко в этом плане мы завязли на них и сможем ли мы каким-то образом вести эту свободную игру? С Вьетнамом то же самое, я совершенно с вами согласен, но, извините, наши отдельные соглашения с Вьетнамом о свободной торговле, поставки вооружений — это прекрасно, но Вьетнам — большой недруг Китая, и тут переиграть будет очень сложно. Если вдруг какие-то варианты будут в Южно-Китайском море, мне кажется, мы будем подыгрывать именно Китаю, не американцам. У нас особые отношения именно с Китаем сейчас и очень плохие отношения с Западом, с американцами. Но у западников тоже ведь очень странная позиция. Вот на конференции, в которой я имел удовольствие участвовать, часто подбегали серьезные люди и задавали совершенно странные вопросы. Шепчут активно: зачем вы так сближаетесь с Китаем, это же ужасно. А на вопрос: «Стоп, ребята, вы же нам денег не даете, вы же нам все подрезали, так что вы хотите?» отвечают: «Нет, вы с китайцами не дружите». Я говорю: «Дайте нам тогда денег, и не станем мы тогда особо ориентироваться туда» — «Нет, не будем». То есть здесь такая странная такая

палитра, из которой выйти очень сложно. И вот каким образом мы сможем в Северо-Восточной Азии выходить? У японцев не будет снят вопрос об островах, такой прекрасный жупел, и я очень сомневаюсь, что у китайцев в душе сняты все вопросы, связанные с границей, хотя формально, может быть, так оно и есть. Можно найти миллион предлогов, возможностей и историй... Поэтому каким образом нам найти какой-то новый для себя вариант, не влезая в очередную историю, чтобы каким-то образом все-таки сохранить самостоятельность в Северо-Восточной Азии и в АТР? Я не могу ответить для себя на этот вопрос, мне кажется, нам будет чрезвычайно сложно.

[1:39:41] **Габуев:** Коллеги, давайте тогда в обратном порядке. По одному ответу — Дмитрий, Василий, потом я завершаю, и мы уже перейдем в режим частного общения.

Стрельцов. Я с вами согласен, но частично. Япония — страна очень прагматичная, здесь нет никакой идеологии, для японцев всегда важно соблюсти форму. Если форма соблюдена, о содержании можно не думать, даже не то что не думать — найдут способ, чтобы содержание по форме было правильно, а по сути это издевательство, как у нас говорили классики. Могу привести пример. Когда были санкции против СССР после Афганистана, Япония к ним присоединилась, тем не менее советско-японский товарооборот стал расти как на дрожжах и вырос гораздо быстрее, чем это было до санкций. Вот вам пример прагматичной политики. Как это удалось сделать? Во-первых, старые проекты смогли сохранить, во-вторых, японцы нажали на американцев, и по тем проектам, которые для японских национальных интересов были важны, они получили добро, несмотря на санкции. Сейчас, я думаю, проблема у нас не в санкциях, а просто в том, что мы сами еще не готовы и не создали таких условий, чтобы приходил японский капитал. Ведь раньше у нас был такой подход, что мы не должны ни от кого зависеть, наши стратегические месторождения никому не отдавать, не дай бог они начнут диктовать нам свою волю и пр. Сейчас от этого отказываются, и вопрос — на каких условиях. Это ведь совершенно конкретные вещи: как и чем мы будем гарантировать эти инвестиции, будет ли принято законодательство. Ведется, насколько я понимаю, закулисный разговор, очень тонкий торг, который может привести к совершенно неожиданным результатам. Я считаю, что это проблема не Японии, это больше наша проблема. Здесь, конечно, можно еще вспомнить, что даже в самые лучшие времена отсутствия санкций и в период экономического подъема все равно инвестиции не приходили, и это было связано с нашими проблемами, которые вы прекрасно знаете. Значит, вопрос в нас, а не в том, что если мы хотим прихода серьезных инвесторов, мы должны сами в чем-то измениться. Спасибо.

[1:42:45] **Кашин.** Я хотел бы сказать, что даже опыт Ирана, по крайней мере до последнего самого разрушительного раунда санкций 2012 г., показал, что как раз Япония и Южная Корея проявляли очень высокий уровень гибкости в отношениях с Ираном. В нашей ситуации важно, что эти санкции и вообще новая конфигурация наших отношений с США, которая действительно едва ли кардинально изменится к лучшему в течение, может быть, десятилетий, просто должна стать более устойчивой, все должны понять новые правила игры, а американцы — тоже

осознать нюансы своей политики в отношении нас. Думаю, что вполне реально при сохранении санкций, которые якобы привязаны к Минску-2, начать постепенно развивать торгово-экономические отношения с Японией и Южной Кореей. Санкции не создают каких-то непреодолимых препятствий для этого, по крайней мере формальные санкции. Важную роль играют неформальные санкции в виде запугивания американскими чиновниками конкретных крупных азиатских компаний, включая даже китайские, в ходе неформальных встреч: вы не должны делать то-то и то-то, иначе мы вам создадим сложности. Если это постепенно уйдет, если основные участники процесса поймут, что по крайней мере в Азии этого делать не надо, я думаю, мы сможем постепенно достигать поставленных целей. Если все остальные участники процесса не поймут этого и будут упорствовать в своих заблуждениях, тогда, наверное, через какое-то время ситуация начнет развиваться в негативном ключе, и избежать этого будет совершенно невозможно, потому что будет создана новая конфигурация наших экономических связей на Дальнем Востоке в течение не очень короткого времени — следующих десяти-пятнадцати лет. Это новые трубопроводы, дороги, порты и т. д. Как они разместятся, это также промышленная кооперация, которая развивается с Китаем. Мы начинаем в каких-то случаях замещать поставки европейского оборудования, комплектующих китайскими, кстати, не всегда худшего качества, но всегда намного дешевле. У нас главное препятствие к этому — просто нехватка информации и отсутствие опыта ведения дел с китайцами. Это будет неизбежно преодолено в течение трех-пяти лет, и дальше мы увидим совершенно новую ситуацию, когда в России делается агрегат или станок, в котором какой-то процент китайских комплектующих, и вот опыт нашего нынешнего разрыва с Соединенными Штатами, с Украиной показывает, что эти индустриальные связи вообще прочнее всего, их никак не разорвать в сколь угодно короткие сроки. Это все возникнет, и тогда, видимо, этим наше положение в будущем мировом порядке будет во многом предопределено. Но в целом уже видно, что разум потихоньку начинает преобладать над чувствами в наших отношениях с США, и если планомерно работать над этим, мы сможем, наверное, создать для себя какое-то окно возможностей в течение ближайших лет, пока еще не слишком поздно. И мы не будем так односторонне завязаны на одну страну. Вот в этом вот направлении надо работать.

А. Габуев: Виктор Николаевич, последняя реплика.

[1:47:05] **Виктор Николаевич.** Мне кажется, что мы не ответили на те главные вопросы, которые были поставлены в приглашении. По поводу угроз не сказали самого главного: угрозы разные и для каждого актора, которого мы предполагаем включить в эту систему безопасности, они разные и буквально могут быть диаметрально противоположными. Как в этих условиях строить какую-то архитектуру? Интересы тоже разные, и мы об этом не говорили, мы говорили: Япония опасается того, этого, а чего опасается Китай со стороны Японии, чего опасается другой игрок? Думается, с точки зрения понятийной неплохо было бы в самом начале дискуссии все-таки определиться с участниками этого северо-восточного блока, кто туда войдет, потому что уважаемый коллега вспомнил про АСЕАН. Безусловно, они важнейшую роль играют, а входят они в Северо-Восточную Азию по нашим геополитическим понятиям или они входят в Восточную Азию

скорее всего? Очень важно расставить эти акценты, тогда можно будет рассматривать, допустим, список не совпадающих угроз.

Чтобы построить какую-то систему, нужен какой-то связывающий интерес, угроза, которая бы была равной, ну, не совсем равной, но была бы таковой для всех. Вот когда мы найдем такие угрозы, тогда, я думаю, можно будет начинать разговор о том, как их классифицировать. И на излете Василий зацепил за основу этой конфигурации безопасности, он затронул некую индустриальную основу этой системы безопасности. Вот о чем надо говорить, и Даша/Наташа [1:49:02] поднимала этот вопрос, она хотела вывести на то, что во многом у региональной безопасности скорее всего должна быть экономическая основа, потому что когда мы сможем определить те красные линии, за которые мы заходить не будем, каждый будет знать для себя эту линию, тогда, наверное, будет какое-то движение, а так мы будем бесконечно об этом говорить, и я не думаю, что выработаем какую-то архитектуру.

И последнее. Мне представляется, что мы немножко переоцениваем некие китайские угрозы, американские угрозы. Вот мы здесь можем говорить про коутоу, а если мы выйдем на общественность и начнем говорить про это коутоу, а найдется человек, который еще и пояснит, что это такое... Вы представляете, какой эффект будет в обществе: да вы что, они нас гнобят, они нас заставляют кланяться, да не в коем случае! Надо быть очень осторожным, я не думаю, что Василий говорил про китаецентрическую систему, ну, это какая-то конфигурация, с точки зрения истории повторяющаяся на новом витке, он взял этот образ китаецентризма. А так ли это, что Китай хочет захватить и завоевать? А так ли это, что он хочет расширить свои границы? Да он экономическими результатами значительно расширил свою империю во всем мире. Поэтому здесь надо очень взвешенно, осторожно подойти, потому что мы можем ошибиться, и вот это неправильное толкование нас просто уведет в сторону, и все. И точно так же надо будет очень осторожно относиться к национализму, потому что или мы в него вкладываем тот смысл, который нам поможет понять суть проблемы, или мы можем просто вложить в него негатив.

[1:51:16] **Габуев.** Спасибо. Мне кажется, он вряд ли имел в виду, говоря о китаецентричной системе, что Китай собирается всех завоевать...

?Кашин?. Нет, скорее просто что они будут формулировать в этой системе правила игры и поведения.

Габуев. Спасибо за методологические уточнения. Мне кажется, что с точки зрения экономических связей мы тоже в самом начале вопросов и ответов эту вилку чуть проходили, технологически не было на постсоветском пространстве двух экономик, которые были бы связаны теснее, чем российская и украинская, и с таким уровнем взаимозависимости, особенно украинской со стороны российской. Да, это все поломалось, в течение буквально полугода начало ломаться и потом ломалось. Я помню, как мы проецировали в начале 1914 г., что невозможно уйти, потому что половина торговли придется на Россию, без России они совсем загнутся и т. д. Я знаю, что мы с Василием немножко расходимся в степени неприемлемости ущерба, который Украина понесла как государство от разрыва этой торговли. Ну,

сейчас сколько? 20% торговли — доля России в товарообороте, и она падает стремительно, это не хорошо ни для кого, но пока обе стороны более или менее стоят. И, к сожалению, в Восточной, Северо-Восточной Азии все торгуют собой как сумасшедшие, кроме, может быть, КНДР.

Реплика. Даже Северная Корея стоит.

Габуев. Даже Северная Корея стоит. Тем не менее всё больше видеть в друг друга угрозу потенциального соперника и т. д. это, к сожалению, никому не мешает, а то действительно было бы хорошо попробовать идентифицировать, насколько реальны те угрозы, которые люди друг на друга проецируют, где реальные угрозы, можно ли как-то минимизировать конфликт и максимизировать возможности для сотрудничества.

[1:53:13] **Реплика.** Очень трудно добиться <...> понятий <...> для того чтобы что-то получить, ты должен дать. Тогда что-то можно сделать.

Габуев. Мне кажется, если суммировать дискуссию про Россию, мы реально находимся на очень важном этапе, когда принимаются решения по инфраструктуре, которая нас либо допривяжет к Китаю (магистральные трубопроводы), либо допривяжет к Тихому океану, сделает нас больше тихоокеанской державой, и от этого во многом зависит при нынешних обстоятельствах не только стратегический выбор. Это действительно интерес каких-то конкретных коммерческих компаний, и когда вы говорите о том, что Япония должна инвестировать в месторождения и т. д., — ну, неинтересно. Углеводородов на рынке сейчас хоть залейся, сколько будет эта цена держаться, непонятно. Россия — не самое очевидное место того, чтобы инвестировать. Японское правительство не может сказать своим компаниям, что им делать, а что нет, и в этом плане, конечно, у нас (по крайней мере, как видится из этой цены в конце 2015 г.) не самое лучшее время, чтобы что-то делать. Единственная возможность по оптимизации, об этом тоже сегодня сказали, это внутри себя. Если мы не можем поменять сложную реальность вокруг нас, мы уж точно можем что-то сделать с регулированием, с бесконечными изменениями правил игры, с коррупцией, с экспертизой по странам, с которыми мы собираемся выстраивать отношения, и т. д.

Поэтому я думаю, что у нас сегодня был сделан один из шагов, которые все предпринимают, чтобы как-то понять координаты, в которых мы существуем. Большое спасибо всем участникам. Мы можем продолжить эту дискуссию за небольшим легким ужином, где даже наливают.